

РАМПА БЫТЬ НУЖНЫМ ДЕТЯМ

(Пьеса в трех актах, с прологом и эпилогом)

ЧТО ТАКОЕ — актер ТЮЗа? В чем специфика детского театра? Ведь не только же в том, что в зале — практически одни дети, чья реакция подчас непредсказуема, зато каждый спектакль с какой-то обязательностью звенят падающие на пол номерки!?

Ах, как, наверное, сердят актеров эти номерки! И как негодует иной артист драмы. А тюзовский актер... Нет, радости сей факт у него, разумеется, не вызывает, однако... «Ну, вы же понимаете... Дети... Они могут увлечься зрелищем, крутить номерки от волнения, а сумочек никаких нет...»

Посвятить себя детям — без сегований, жалоб и упреков. Навсегда. И верить в свое дело, которое целиком — во имя добра, справедливости, радости. Это не пустые слова, если каждый вечер ты ведешь за них самый настоящий бой. А победа в этом бою дает тебе счастливое право быть нужным детям.

...Я хочу пригласить вас в театр. Пьесу мы посмотрим необычную. Как в старые добрые времена, она будет в трех актах: первый — из прошлого столетия, второй — из наших дней, третий — из будущего. Играть же главную роль в пьесе будет один человек — актер Свердловского ТЮЗа Виктор Поцелуев.

Итак...

Акт I.

«СЛАВА, ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО, ЛЮБОВЬ К ЖЕНЩИНЕ, САМОЕ ОТЕЧЕСТВО...»

«В ЧЕРА был день из особенных дней. Почему такое чувство? Был бал, да, очень блестящий был бал, и еще... Да, Ростова...»

Сколько нас — тех, кто лю-

бит этого удивительного толстовского героя, кто даже Наташу Ростову осуждал за все ее другие увлечения и вообще — за все «отвлечения» от этой необыкновенной, поэтичной любви. Князь Болконский — блистательный офицер, настоящий гражданин, человек редкого обаяния, ума и души... Легко ли воплотить на сцене все эти качества, ведь и кино предлагало нам не раз свои «варианты» Андрея и у каждого из нас он все-таки — свой.

В. Поцелуев играет Болконского, во-первых, очень молодым — и это идет не от недостаточного проникновения в суть образа, а, напротив, продуманного решения создать именно такого Андрея, в котором не только манеры доминируют, пусть даже и сугубо аристократические, а наш, сегодняшней строй мыслей и сегодняшней способ их выражения. А в-третьих, Андрей В. Поцелуева очень лиричен.

Вот приезжает он к отцу. Первая встреча, неловкие объятия, волнения. Андрей обводит взглядом такие милые сердцу приметы детства, смотрит на сестру, отца, потом — на старинные портреты и вдруг, смеясь, машет рукой: то ли защищаясь от неожиданного близкого и такого желанного тепла, чувства дома, родины, то ли — приветствуя это... Беззащитно-безнадежный жест, почти незаметный, но как точно найденный, как много говорит он о характере героя.

Или — танец с Наташей. Нужно видеть лицо Андрея, когда он бережно, осторожно ведет в вальсе юную графиню, любясь ею и — одновременно — смущаясь своим новым чувством...

И по-прежнему нас трево-

жат и волнуют эти размышления Андрея, эти вечные проблемы каждого человека: взгляните на название первого акта — это слова князя Болконского.

Акт II.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.

«МАМ, помнишь когда я был маленький, я, ты и отец в магазин пришли, я плакал, просил, чтобы мне барабан купили. Отец обещал и... не успел, что ли? ...А он мне сегодня приснился...»

Жил-был на свете Ваня Зайцев, по прозвищу Валет. Нормальный школьник, правда, вечера он с приятелями проводит в каком-нибудь дворе, усвоив, что это совсем даже не аксиома — «время — деньги», потому что, как говорят в их компании, «время есть, а денег нет».

И вот однажды встретится Ваня — случайно, вдруг! — со своим отцом, которого даже не узнает: ведь полтора десятка лет назад отец уехал от них с мамой...

Таков вкратце сюжет пьесы А. Яковлева «Свидание в субботу».

Излишне говорить, что современного подростка сыграть невероятно трудно — сыграть таким, какой он есть: с резкими перепадами настроения, с неожиданной реакцией, с ощущением собственного «я» и куда денешься! — с массой самых невероятных и запутанных комплексов.

Валета в исполнении В. Поцелуева зал принимает безоговорочно. В актере и его герое — это главное — нет и тени фальши, нет позы, а есть, несмотря на внешнюю «колочность», поразительная распахнутость.

Зал реагирует мгновенно и на незатейливые шуточки, и на

такие знакомые (или памятные) всем намеки, зал замолкает, когда на сцене — любовь, еще немного нескладная, некая, но абсолютно настоящая.

Актер не играет в спектакле (пусть не совсем уместны здесь эти слова!), он честно и естественно существует в этом мире полудетства, из которого уже вырос, — полувзрослости, в которую так больно иногда вступать.

...И мать спросит: «Тебе очень нужен барабан?» И будет пауза, и Валет закроет руками лицо, и мы уже испугаемся будущих слез, а он вдруг тряхнет головой и ответит так весело и так отчаянно: «Очень!» И так не по годам горько...

Макаренко писал, что педагог должен уметь произнести любую фразу, скажем, «дай ручку!» чуть ли не с полусотней интонаций. Любимую свою фразу «Иди отсюда!» Валет произносит множество раз, но ни разу не повторяет ее одинаково. Мастерству актера приходится поражаться.

Девочка подарила ему майку. «Я люблю», — было написано на ней по-английски. Валет надел эту майку и так и не снял ее, несмотря на увещания матери, потому что это самое главное в жизни — знать, что ты любим, пусть даже только одним человеком. А, может быть, именно одним — и в этом-то суть...

Акт III.

«ЛЮБОВЬ МОЖЕТ ВСЕ!»

«ЛЮБОВЬ может все, я уверен в этом. Любящее сердце не может быть ненужным. Любить, любить самое жестокое существо!»

...Голова его полна стихами, а сердце — любовью. Его

имя — Донки. Так назвала его Она, потому что, хоть и похож он на Дон Кихота, но «не тянет» все-таки на испанского идаляго.

Донки не просто добр. Он добр фантастически, отчаянно. Он любит всех — и Ее, и Длинного, которым так увлечена Она, и случайную старушку, и друга... Эта доброта настолько иррациональна, что уже беспокоит родителей Донки, и они вынуждены обратиться к Профессору: «У нас вырос мальчик с безрассудно добрым сердцем...» И Профессор находит выход — к сердцу Донки он присоединяет мотор. Теперь юноша может регули-

ровать свои эмоции, включая то сердце, то мотор — «сердце в кармане» (так и называется пьеса-фантазия З. Ибрагимовой).

Роль Донки целиком построена на контрастах. По сути, перед нами — три характера: Донки, какой он есть — «безрассудно-добрый», Донки-рационалист («Максимум трезвости, ноль порывов», — как он сам говорит) и Донки, вновь возвращающийся к добру, к себе самому. Но три характера эти соприкасаются, трансформируются один в другой, и порой из жесткого, правильного Донки буквально выцарапывается (не сквозь серд-

це ли?) тот, прежний, смешной и трогательный рыцарь.

Сыграть рационального Донки, наверное, проще: образ этот довольно однозначен. А вот Донки «настоящего»... Его поступки настолько несообразны с обычными, жизненными, что могут вызвать и смех, и чуть ли не досаду. Актеру удастся сыграть без пережима, ненавязчиво, очень достоверно. Он не балаганит, не впадает, хотя это было бы проще, в комикование. Он абсолютно доверяет своему герою.

Ну, вот и все, пьеса подошла к концу. И пока зрители обмениваются впечатлениями, заглянем-ка мы в артистическую.

За кулисами

(ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

...СНАЧАЛА были школьные драмкружки, потом — истфак Дальневосточного университета, потом — Институт искусств во Владивостоке, армия, сейчас — VI курс Свердловского государственного университета, факультет русского языка и литературы. Виктор любит музыку — Чайковского, Бетховена. Пишет пьесы, сказки для детей, инсценировки — две из них поставлены на Иркутском и Владивостокском телевидении. Он занимается каратэ и имеет первый разряд по шанге, а, согласитесь, быть в форме — это очень немаловажно для актера ТЮЗа.

Каждая роль Виктора Поцелуева — это предельная самоотдача. Впрочем, истинное искусство всегда — «вспомни!» — «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез».

...Занавес закрыт, зал опустел. До свидания, дорогие зрители.

Н. АКСЕЛЬРУД.